
Г. А. ГИЗАТУЛЛИНА

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ КАЗАХСТАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы цивилизационной идентичности Республики Казахстан. Подчеркивается актуальность этой проблемы в связи с возникновением сетевого общества и сетевых войн. Сетевые войны подрывают традиции и создают хаос, чтобы манипулировать общественным сознанием и вводить его в преднамеренное заблуждение. В связи с этим возникает опасность утраты смыслов бытия и государственной идентичности. Полиэтничность Казахстана создает множество сложностей при определении государственной идентичности. Решение проблем лежит в плоскости цивилизационных ценностей, которые могут сочетаться с национальными особенностями.

Ключевые слова: сетевое общество, сетевые войны, глобализация, идентичность, однополярный мир, многополярный мир, полиэтничность, национальное государство, цивилизация.

Республика Казахстан по мере вхождения в мировое сообщество и обретения в нем своего места испытывает воздействие глобализации по многим направлениям. Глобальные сетевые структуры вытесняют прежние формы личной и вещной зависимости. М. Кастельс рассматривает формирующуюся сегодня в глобальном масштабе социальную структуру как сетевое общество. Кастельс подчеркивает, что именуется социальную структуру информационного века сетевым обществом, так как «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные прединдустриальные формы человеческого существования. Но все общества информа-

ционной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» (Кастельс 2000: 505). Кастельс определяет сетевое общество как динамичную открытую систему, допускающую новации без утраты баланса. «Сети являются орудиями, подходящими для капиталистической экономики, основанной на обновлении, глобализации и децентрализованной концентрации; для труда рабочих и фирм, базирующихся на мобильности и адаптивности; для культуры с бесконечной деконструкцией и реконструкцией; для политики, направленной к моментальной обработке ценностей и общественных настроений, и для социальной организации, нацеленной на подавление пространства и уничтожение времени» (Там же: 580). Динамизм социальной структуры сетевого общества, его глобальный охват, обусловленный финансовыми рынками, военными технологиями, информационными потоками, делают сетевое общество расширяющейся системой, проникающей различными путями и с разной интенсивностью во все общества (Там же: 588).

Важно не просто определить, что такое сетевое общество, а что оно нам несет: динамизм, прогресс или вырождение? Если раньше господствовало общество с четко обозначенной структурой ценностей, то сейчас современный мир можно представить как авангардный архитектурный ансамбль, где сосуществуют несколько центров тяжести, соперничающих между собой. С исчезновением сакрального порядка человек потерял ценностные ориентиры. Мир превращается в хаос недосказанности, ускользающих смыслов и размытых ценностей, где белое становится черным, а черное – белым. Смыслы современного мира неполноценны и неосновательны. Они притягательны для нас в силу остаточной мощи, посттрадиционных смыслов. И это очарование совсем не связано с логикой, последовательным и ответственным ориентированием в мире.

Современный человек, являясь пассивным акцептором смыслов, вовлекается в сетевую войну, где все непонятно и хаотично. Трудно определить, кто мы и кто наш враг. Привкусом современной реальности стали недосказанность, неразгаданность, неполнота

освещения происходящего. Поэтому в современной ситуации важно выработать четкую систему ценностей, определить, кто мы и куда идем. Опора на традиции поможет нам понять нашу идентичность. Следует признать, что глобализация – это установление в мировом масштабе гегемонии, где американская система ценностей, институтов, стратегических центров и экономического устройства обязательна для всех. Однополярность глобализации – главная проблема современности. Она будет провоцировать новые и новые конфликты, очаги напряженности. Противостоять этому санкционированному хаосу может только общество, где различия гармонизированы, где идентичность народа опирается на традиции, где есть четкая система ценностей.

В связи с этим чрезвычайно важно рассматривать национальное самосознание или, правильнее будет сказать, само формирование национального самосознания как адаптивно-защитную функцию общества, а в масштабе государства – как важнейшую общенациональную адаптивно-защитную функцию, жизненно необходимую в современную эпоху – эпоху глобализации. Чтобы сохранить в глобальном мире государственную национальную идентичность, необходимо гармонично соединять национальные особенности и общечеловеческие императивы. Диалектика цивилизационного и национального императивов чрезвычайно сложна и многообразна. И здесь не грех вспомнить знаменитые слова Ивана Ильина: «Тот, кто чует духовное и любит его, тот знает его сверхнациональную, общечеловеческую сущность» (цит. по: Томсинов 2012: 54).

Как эту задачу намерена решить Республика Казахстан? Как известно, в Казахстане в последние годы явственно обозначились две основные стратегии национально-государственного строительства и соответствующие им доминирующие модели национальной идентичности. Первая стратегия направлена на формирование единой казахстанской нации из полиэтнического по своему составу общества на основе общности гражданства, под которой понимается не просто юридическая фиксация факта гражданской принадлежности, а высокий уровень гражданской самоидентификации представителей разных этнических групп. Такой подход получил название «гражданского национализма».

Сторонники альтернативной стратегии национально-государственного строительства исходят из того, что построение единой («гражданской») нации в Казахстане невозможно, поскольку этническая самоидентификация индивида будет всегда довлеть над его идентичностью с представителями иных этнических групп, и потому – над его гражданской идентичностью. Этот подход получил название «этнокультурного национализма». Очевидно, что национальная политика Республики Казахстан должна, во-первых, исходить из признания двух модальностей феномена нации: этнонации и гражданской нации, и, во-вторых, руководствоваться задачей формирования и воспитания современного общегражданского сознания (Бектурганова 2006: 1).

Современные ученые Казахстана в ходе исследований пришли к выводу, что возникшие после распада СССР новые суверенные государства могут быть названы «национализирующими государствами». Термин «национализирующие государства» (*nationalizing states*) предложен американским ученым Р. Брубейкером. Национализирующее государство дает пример реализации принципов этновласти, для которого характерно не просто доминирование коренного этноса над другими, но еще и оправдание (идеологическое и политическое) этого доминирования, обеспечивающего его приоритет над интересами других этносов. В данном случае наблюдается ущемление прав иных этносов; это касается и политики (участия в управлении), и языка, и культуры. Основные вопросы жизни одного этноса зачастую решаются в ущерб интересам и устремлениям других. Произошел своеобразный «обмен статусов» доминирующей этнической группы и меньшинств (Нургалиева 2012: 13).

Национализирующая позиция Казахстана, как отмечает Ж. К. Нургалиева, за время его суверенитета прошла несколько сложных и противоречивых этапов. Первый этап (1991–1995 гг.) связан с созданием национальной государственности и укреплением власти национальной элиты. Принятые на этом этапе концептуальные документы законодательно закрепили за казахским народом статус государствообразующей нации, придали ей статус нации-ядра.

Окончание процесса утверждения формальных основ национальной государственности, укрепление власти национальной эли-

ты привели к тому, что государственный этнонационализм к концу первого этапа практически исчерпал свой мобилизационный потенциал. Доминирование этнических принципов над общегражданскими ценностями обусловило дезинтеграционные настроения в обществе. Отчасти это нашло отражение в том, что этнизация общественного сознания вызвала процесс «отчуждения» между двумя наиболее крупными этносами в Казахстане (Нургалиева 2012: 12).

Демографическая ситуация в Казахстане в силу ряда исторических обстоятельств (переселенческая политика царского правительства, репрессии 20–30-х гг. XX в., целинная эпопея, индустриальное строительство) отличалась этнической разнородностью, полиэтничностью. Почти на всем протяжении советской эпохи некоренные этносы составляли в Казахстане большинство, а казахский этнос – меньшинство. По данным переписи населения СССР 1989 г., из 16 464 000 населения казахи составляли 39,7 %.

Казахи составляли меньшинство практически во всех крупных городах Казахстана. Тенденции в сфере занятости характеризовались низкой представленностью казахов в индустриальной сфере. Практически все крупные и средние, а также вновь возводимые города были тогда по составу населения и в культурно-бытовом отношении русско-европейскими, в них складывались индустриальная городская инфраструктура и соответствующая информационно-культурная среда, созданная и функционировавшая в основном на русском языке (Там же: 11).

На протяжении всей советской эпохи казахи доминировали в агропромышленных областях. Однако доля представителей казахского этноса в партийно-советском аппарате и особенно в вузах и тогда была достаточно велика. Можно сказать, что уже в то время казахи занимали доминирующие позиции в органах власти и составляли большинство гуманитарной интеллигенции.

В период с 1989 по 2001 г. в стране произошли стремительные изменения в социально-экономической и политической жизни, которые вызвали кардинальный перелом демографических процессов. Распад общесоюзных хозяйственных связей вызвал экономические трудности, крупные предприятия были остановлены и трудившиеся на них преимущественно русскоязычные работники оказались без работы. Это стимулировало эмиграционные настроения среди насе-

ления. Глобальный миграционный отток, в ходе которого миллионы русских, украинцев, немцев покинули страну, а также этническая специфика естественного прироста изменили этнический состав. На протяжении 1991–1999 гг. из Казахстана уехало более 1/6 населения (Нургалиева 2012: 23).

Численность населения на 1 января 2010 г., по оперативным данным с учетом переписи населения 2009 г., составила 16 млн 196 тыс. 800 человек. Доля казахов на начало 2010 г. составила 63,6 %, русских – 23,3 %, узбеков – 2,9 %, украинцев – 2 %, уйгур – 1,4 %, татар – 1,2 %, немцев – 1,1 %, других этносов – 4,5 %. Получается, что казахи составили 3/5 населения Казахстана. Следовательно, в настоящее время они больше не ощущают себя меньшинством.

Появились новые тенденции в социально-экономической сфере, изменились региональные отраслевые предпочтения. В то же время в города двинулись массы сельского населения, которые искали возможности трудоустроиться на новом месте, покинув разорившиеся без государственных дотаций колхозы. В результате города Казахстана перестали быть преимущественно русской жизненной средой. Но они при этом также перестали быть лидерами индустриального развития страны (Там же: 13).

В качестве своеобразной компенсации миграционного оттока европейского населения Казахстан проводит политику по репатриации этнических казахов, по тем или иным причинам оказавшихся за пределами родины. По оценкам казахстанского МИДа, в 1990-е гг. количество проживавших за пределами республики казахов составляло около 4,1 млн человек, или более половины численности титульного этноса в самом Казахстане (Там же: 11). К середине 2000-х гг. в Казахстан переселились около 430 тыс. человек, однако примерно 1/3 из них, по оценкам экспертов, вернулись назад. Более половины мигрантов прибыли из стран СНГ, остальные – из государств дальнего зарубежья. В итоге из преимущественно «европейской» по этническому и конфессиональному составу населения страны Казахстан превратился в государство, где преобладают «азиатские» этносы (Там же: 10).

В качестве одной из основ новой национальной идентичности рассматривается знание всеми гражданами Казахстана казахского

языка. Видно стремление строить общегражданскую идентификацию на принципе владения казахским языком. Кроме того, расширение функций казахского языка направлено на повышение статуса титульного этноса. Начиная с 2006 г. документооборот в республике последовательно переводится на казахский язык, которым плохо владеют не только русские, но и многие казахи. Эти закономерные процессы становления национального государства вызывают у русских вполне обоснованные опасения за будущее своих детей. Неслучайно именно с середины 2000-х гг., когда началось введение казахского языка, эмиграция славянского населения из Казахстана вновь усилилась.

При реализации языковой политики возник целый ряд проблем.

Во-первых, применение закона о языках до сих пор неоднозначно воспринимается как русскими, так и казахами. Во-вторых, и по сей день наблюдается заметный разрыв между ожиданиями и реальным уровнем распространения государственного языка. Немалая часть казахов до сих пор не владеет родным языком, хотя среди них ширится понимание необходимости его изучения. В-третьих, утверждение государственного языка титульного этноса рассматривается большинством русских как антидемократическая мера, ставящая их в неравное положение по сравнению с казахами. В-четвертых, определенная часть казахоязычного населения, особенно творческой интеллигенции, усматривает в официальном двуязычии пренебрежение языком титульного этноса. В-пятых, практически весь казахский народ овладел русским языком и хотел бы видеть адекватное отношение к казахскому языку со стороны русскоязычного населения, рассматривая это как символ взаимопонимания и взаимоуважения (Нургалиева 2012: 15).

Казахский язык и основанная на нем культура становятся ресурсом для успешного социального продвижения и положения в обществе. Так, в 2004 г. был разработан перечень должностей, при вступлении в которые необходимо сдавать экзамен на знание государственного языка. В результате это положение выступает сейчас серьезным ограничителем притока на госслужбу представителей неказахских национальностей. И все же в последние 10 лет востребованность русского языка остается высокой. Причина в том, что русский язык даже среди казахов сохраняет приоритет в языковой

идентичности граждан, остается достаточно инструментально востребованным в обучении, профессиональной реализации, бытовом общении. Государство не может позволить себе терять образованное и технически грамотное население, которое по-прежнему говорит и думает почти исключительно по-русски независимо от этнического происхождения. И дело не только в том, что русскоязычное население страны не владеет казахским языком, – им фактически не владеют и многие казахи. По данным соцопросов, лишь треть населения страны бегло говорит на казахском, а 16,3 % населения вообще не владеют титульным языком. В то же время свое знание русского языка свободным или достаточным назвали 90,4 % респондентов (Нургалиева 2012: 22).

К числу национализирующих мер казахских властей относится и практика массовых переименований. В течение 1991–2005 гг. были переименованы 3 области, 12 городов, 53 района областей, 7 районов городов, 43 железнодорожных станции и разъезда, 957 малых населенных пунктов, а также около 890 учреждений образования, культуры, здравоохранения и спорта. Главное следствие массовых переименований – усиление межэтнической и межнациональной тревожности. Это создает психологический фон для эмиграции славянского населения, хотя поводом к ней могут послужить совсем другие события.

Уровень представительства русских в органах власти – один из наиболее острых вопросов межэтнических отношений в Казахстане. История казахстанского парламентаризма демонстрирует постоянное возрастание доли титульного этноса среди депутатов обеих палат. В парламенте Казахстана доля этнических казахов в настоящее время в 1,5–2 раза превышает их долю среди населения в целом. Однако наиболее показательна слабая представленность русских и представителей национальных меньшинств среди государственных служащих, которые, в отличие от парламентариев, обладают реальной властью и способны непосредственно влиять на происходящие в стране процессы. Русских среди чиновников – в 1,8 раза меньше, а казахов – в 1,3 раза больше их доли в населении республики. Из 130 проживающих в республике национальностей представители только 64 работают в настоящее время на государственной службе (Бектурганова 2006: 18).

Если подвести итог, то можно сказать, что языковая политика в Казахстане позволяет надеяться на взаимопонимание этносов, но в том, что касается политической сферы, она по-прежнему многонациональна. Это, в свою очередь, создает множество проблем для подлинной толерантности, в связи с чем следует говорить о поиске единой идеи, которая могла бы разделяться всеми этносами Казахстана. Можно сказать, что в республике постепенно утверждается не этническое, а гражданское самосознание населения. С одной стороны, этому способствует в высокой степени толерантное отношение казахов к иноэтническим группам. С другой стороны, свою лепту в этот процесс вносят отказ государства от этнонационального принципа формирования субъекта республики и замена его принципом согражданства.

Социологи предложили казахстанцам анкету с вопросом: «Каким, на ваш взгляд, должен быть путь развития Казахстана?» Полученные ответы лишь подтверждают известный факт: этноцентризм (ориентация на самобытность) как национально-психологический комплекс в Казахстане представлен не столь широко. В среднем среди опрошенных 35,2 % придерживаются мнения, согласно которому у Казахстана должен быть свой национальный путь развития, учитывающий традиции и менталитет народа. 34,5 % склоняются к мысли, что Казахстан должен объединиться с Россией. 13,4 % считают, что Казахстан должен следовать западному пути развития. 15,2 % затруднились ответить (Бектурганова 2006: 21).

Вообще казахскому национальному самосознанию чужды сколько-нибудь выраженные националистические устремления. Вместе с тем это не исключает роста национал-патриотических настроений в связи с переживаемым периодом возрождения и строительства новой государственности. В первую очередь обнаруживается, что среди казахов 54 % поддерживают идею самостоятельного национального пути развития Казахстана. Примечательно, что сторонниками этой идеи являются около трети опрошенных русских. Главное, что подъем национал-патриотизма не носит «взрывного» характера. Основная масса казахов поддерживает идею равноправия всех народов Казахстана. Стержнем национальной идентичности должно быть естественное стремление казахстанцев стать цивилизацией со всеми атрибутами демократического общества,

своеобразие которой заключается в совместной исторической памяти и единой культурной традиции, скрепленной единым естественным казахстанским патриотизмом. Только апеллируя к народу, вызывая обратную связь, предоставляя ему право формировать независимое свободное общественное мнение, мы, казахстанцы, сможем начать процесс созидания своей национальной идентичности. Не начав этот процесс, мы все время обречены стоять перед глухой стеной, название которой – отсталость, национализм и авторитарность. Для нас, казахстанцев-современников, актуальны слова М. Ганди: «Мы сами должны стать теми изменениями, которые мы хотим видеть вокруг себя» (цит. по: Намбудирипад 1960: 37).

Как же создать эту относительную целостность «навыков духа», единую общекультурную традицию, формирующую нашу картину мировоззрения, а именно – казахстанскую национальную идентичность? В Казахстане всегда происходил процесс историко-культурной преемственности, так что история никогда не начиналась с нулевой отметки. Население Казахстана во все времена было полиэтничным: индоевропейская, тюрко-согдийская, тюрко-монгольская, тюрко-славянская общности породили местный казахстанский этно- и культурогенез. Однако насколько этот культурогенез может создать цивилизованность, остается неясным.

Цивилизованность выдвигает требования, связанные с решением проблем не только материальной оснащенности бытия, но и духовной переориентации сознания большинства людей от пассивного потребительства и созерцательности к активным формам самосознания, самостоятельности мышления и суждения, творческого труда и отдыха, коллекционирования опыта самосовершенствования, роста эмоциональной и гражданской зрелости, повышения внутренней психологической и моральной устойчивости в условиях возрастающего давления политики, идеологии, деструктивных психологических нюансов. Цивилизованность определяется, на наш взгляд, общечеловеческими ценностями. Следовательно, культура любой страны должна опираться на национальные и общечеловеческие ценности, те, которые создают максимальные условия для саморазвития и совершенствования личности. К стержневым цивилизационным приоритетам или императивам Республики Казахстан можно отнести следующие.

1. Дух свободы и независимости.

Казахстан проводит свою политику, позиционируя себя на международной арене как независимое государство, поэтому сохранение территории, соблюдение национальных интересов без ущемления интересов других государств – стержневая основа международной политики Казахстана.

2. Историзм и традиционализм.

Сохранение в памяти народа всех политических деятелей, которые внесли достойный вклад в становление казахстанского государства. Многие казахские ханы, бии и батыры, российские губернаторы и лидеры национально-освободительных движений, представители Алаш-орды, советские и современные деятели: Касым и Абулхаир, Кенесары и Джангир, Аблай и Чокан, Ибрай Алтынсарин и Абай, Шевченко и Колпаковский, Досмухамедов и Байтурсынов, Ташенов и Кунаев, Сатпаев и Ауэзов, Асанбаев и Сарсенбаев, Назарбаев и Оспанов, Жовтис и многие другие, которые внесли свой положительный вклад в устройство Казахстана, должны остаться в народной памяти.

3. Создание казахстанской культуры как синтеза полиэтничных культурных ценностей.

Тенгрианство, буддизм и манихейство определяли мировоззрение тюрко-согдийского населения тюркских, карлукского, кимакского и уйгурского каганатов. Тенгрианство, христианство и буддизм отмечены у найманов и кереев/кереитов. Тенгрианство, манихейство и ислам – у караханидов, плюс христианство – у западных кыпчаков. Тенгрианство, ислам и суфизм – в ордынских государствах. Еще Рубрук отмечал появление универсальных храмов, в которых адепты разных религий молились своим богам. Для современного Казахстана характерны высокая комплементарность, свобода совести, поликультурализм, восприимчивость ко всему новому и передовому.

4. Справедливость и равенство.

Казахстан – страна равных в правах граждан как этнически, так и конфессионально, где нет государственного народа и нет государственной религии. Наша страна объединена готовностью граждан к восприятию перемен и тому, что всем следует «адаптироваться» к переменам и «двигаться дальше» в рамках огромной,

этнически разнообразной и мобильной страны, в которой царит конкуренция и которая никогда не стоит на месте.

5. Инновационность и креативность.

Сегодня могущество государства определяется не богатыми недрами и полезными ископаемыми, а той небольшой прослойкой людей, которые могут создавать прорывные технологии и внедрять их в жизненные проекты, становиться инициаторами создания всего нового, предвидеть все возможные последствия трансформаций и нести за них ответственность.

6. Создание сильного гражданского общества через развитие местных сообществ, через активизацию инициатив граждан.

Активность граждан противоречит корыстным интересам политической номенклатуры и ведет к прозрачности действий чиновников, включая высших лиц государства, которые через доверие граждан несут повышенную нравственную ответственность при принятии решений.

7. Легитимность во всем.

Если идеи и идеалы США содержатся в Декларации независимости и Конституции, которые американцы хорошо знают и разделяют прежде всего то, что относится к уважению достоинства и прав граждан, то Конституция Казахстана и законы Республики должны стать незыблемой основой деятельности всех граждан Казахстана.

8. Последовательное проведение политики трехязычия.

Вопрос не в политическом решении, какому языку быть государственным, а какому нет, а в создании развитой инфраструктуры образовательных услуг, ведущих к полноценному функционированию языков в стране и созданию атмосферы поддержки со стороны носителей, пытающихся говорить на том или ином языке.

9. Высокий профессионализм.

Казахстан – страна равных возможностей и свободной конкуренции.

10. Семья – прообраз государства.

Патриотизм начинается с семейных ценностей, любви к родному двору, городу и стране (Агеулов б. г.: 1).

11. Экология природы и души, провозглашенная в национальной доктрине «Мәңгілік Ел».

В казахстанской культуре ценностью является максимальная адаптация к окружающей природной среде, бережное отношение и непричинение вреда всему живому. Но экология природы невозможна без экологии души, ибо развитие духовности становится главной задачей современности. Об этом говорил глава государства Н. Назарбаев в своей доктрине «Мәңгілік Ел».

Пришло время приводить казахстанские мечты в соответствие с реальностью своим образом жизни и поступками, изменяющими нашу действительность.

Литература

Агеулов, Г. Б. г. Казахстанская национальная идентичность. *ZONA.KZ* 4.

Бектурганова, Б. 2006. Казахстанская идентичность: трудности обретения. *Байтерек* 6.

Кастельс, М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ.

Намбудирипад, Е. М. 1960. *Махатма Ганди и гандизм*. М.: Ин. лит-ра.

Нургалиева, Ж. К. 2012. *Конструирование этнической и гражданской идентичности в национализирующем государстве на примере Республики Казахстан*: автореферат дис. ... канд. соц. наук. СПб.

Томсинов, В. А. 2012. *Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций*. М.: Зерцало.